

1. В ы г о т с к и й Л.С. Психология искусства. М., 1986.
2. Г е г е л ь. Философия истории //Собр. соч. М.:Л., 1935. Т. 8.
3. И г н а т е н к о М.А. Генезис сучасного художнього мислення.
К., 1986. 4. К о к к ь я р а Дж у з е п п е. История фольклорис-
тики в Европе. М., 1960. 5. Л о т м а н Ю.М. Структура художест-
венного текста. М., 1970. 6. П о т е б н я А.А. Эстетика и поэ-
тика. М., 1976. 7. П р о п ц В.Я. Специфика фольклора //Фольклор
и действительность. М., 1976.

Стаття надійшла до редакції 31.07.89

С о м м а р у

The article sticks to the problem of variations in folklore and literature.

Mechanism of functioning of texts in literature is being analysed. Likeness and difference of variations in folklore and literature are being determined, not so much separating as drawing together these two phenomena.

Г.Р.Х у с а и н о в а, асп.,
Институт мировой литературы

ПРИМЕНЕНИЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ МЕТОДИКИ Р.М.ВОЛКОВА К ИЗУЧЕНИЮ СТИЛЯ И СЮЖЕТСЛОЖЕНИЯ БАШКИРСКИХ СКАЗОК О МАЧЕХЕ И ПАДЧЕРИЦЕ

Р.М.Волков разрабатывал характеристику стилизованных средств и делал сравнительный анализ сюжетосложения главным образом на материале восточнославянских сказок о невинно гонимых [2]. Названный сюжет получил широкое распространение в сказках многих народов, в том числе тюркоязычных. Опираясь на предложенную Р.М.Волковым методику, рассмотрим башкирские волшебные сказки о мачехе и падчерице.

Р.М.Волков писал, что "можно установить особенности сказочного стиля не только для отдельных народов, но и дифференциацию стиля среди одного и того же народа, а вместе с тем и то общее, что есть в стиле сказки у всех народов мира" [2, с. VI]. Этот подход представляется существенным для нашей работы.

© Хусаинова Г.Р., 1993

В восточнославянском материале Р.М.Волков выделил три типа зачина: хронологический, топографический, о присказке.

В башкирских вариантах сказок о мачехе и падчерице, как и в восточнославянских и других, преобладает хронологический зачин типа: "борон-борон заманда" /"в давнее-давнее время"/, "борон заманда" /в давнее время/, "борон замандарза" /"в давние времена"/, "элекке вакытта" /в прежнее время/. Такой зачин в башкирских сказках о мачехе и падчерице устойчив, хотя башкирской сказочной традиции известны и другие зачины, например, "булган, ти" /"был, говорят"/, "Йәшәгән, ти" /"жил, говорят"/, "бар ине, ти, юк ине, ти" /"было, говорят, не было, говорят"/. Распространен зачин, который "содержит указание на недостоверность и тем самым отрицает то, что утверждается остальными элементами" [4, с. 23]: "Борон-борон заманда, кезе команда, урзек урядник, дөйөгөм дисетник, тәлкә туре, каззар казы булып хезмет иткән сакта; һайыскан, һалдат, карга карауш, ярганат йсауш, а.шу атаман, ябалак янарал булганда..." /"В давнее-давнее время, когда коза была командой, утка - урядником, верблюд - десятником, лиса - начальником, гуси казынами служили; сорока была солдатом, ворона - караулом, летучая мышь - осаулом, медведь - атаманом, сова - генералом..." [2, с. 290] /.

В башкирских сказках о мачехе и падчерице отсутствует чисто топографический зачин. Смешанный зачин /хронологический с топографическим/ налицо в сказке "Кукушка" АТ 403 В /"Подменная жена"/ и отчасти АТ 409 /"Мать-рыб"/: "Борон-борон заманда Әрмет итәгендә..." /"В давнее-давнее время у подножия горы Армет..." [2, с. 217] /.

Незначительную распространенность топографического зачина отметил Р.М.Волков [2, с. 18], а затем румынский исследователь традиционных формул сказок Н.Рошиану [4, с. 32], что подтверждается и материалом башкирских сказок.

Среди башкирских вариантов исследуемого сюжета привлекает внимание своей специфичностью зачин сказки "Ишле и Суябика" отчасти АТ 480 /"Мачеха и падчерица"/ [1, с. 242]. В нем содержится этимологический мотив: "Ниндә быш йылганы Поя тип атагандар за, быш аунды ниндә Ишле тип атагандар? Быш тиреле халык кайсын килеп сыжкан? Былай булган ул" /"Почему эту реку назвали Суя, почему деревню называют Ишле? Откуда здесь появился народ? Это было так"/.

В других сказках этимологический мотив появляется только в концовке.

В отличие от зачина, так называемые исходы сказок "гораздо много численнее и разнообразнее" [4, с. 54] как в славянских, так и в

башкирских сказках. В первую очередь Р.М.Волков выделял тексты, которые заканчивались мотивом благополучия героя. Из одиннадцати пять вариантов содержат исход с таким мотивом. Во всех текстах в исходе делается ударение на то, что герои "вяжили "частливо".

Из башкирских сказок о мачехе и падчерице одна заканчивается наказанием отрицательного персонажа: "Карт утын эзергәй зә, карсыгын утта яндыра" /"Старик готовит дрова и сжигает старуху в костре" [I, с. 233] /. Такая формула наказания довольно распространена в башкирских сказках. Обычно наказывающий спрашивает у наказываемого: "Иңе ун ике сана утын көрәкме, әллә ун ике тай көрәкме?" /"Ты хочешь двенадцать с женой дров или двенадцать кобыл?"/. Если наказуемый просит дрова, его сжигают в костре, если кобыл, — привязывают к хвостам кобыл. Последний мотив встречается также в сказках казахского, таджикского, румынского и других народов.

Сказка "Мать-рысь" АТ 409 имеет исход с этимологическим мотивом: "Угәй инә кызын тирк кырык койроғона тарып ебарәләр. Тейгән ере — сокор, теймәгән ер — тау, арас — тышка сәсе эләккән ере урман буга. Бына шунан калған урман, таузар" /"Родную дочь мачехи привязали к хвостам сорока лошадей. Где тело касалось земли, — образовывались ямы, где не коснулись, — горы; где камни, кусты зацепляли волосы, образовался лес. Так получились леса и горы" [6, оп. 172, л. 73] /.

В башкирских текстах, в отличие от разобранных Р.М.Волковым восточнославянских, не отмечен исход со свадьбой. Видимо, потому, что все сюжеты контаминированы, т.е. после обычного сюжета действие не завершается.

В пяти из рассмотренных нами сказок сочетаются оба мотива исхода: благополучие героя и наказание отрицательного персонажа. Например: "Йыландар, пандыктан исындашып сырып, угәй эсә менән кызын сагырга тотонғандар. Гәлбиккәгә яқын да аламағандар, ти" /"Змеи выползли из сундука и халили мачеху и ее дочь. А Гульбике даже близко не подходили, говорят" [I, с. 242] /. Еще пример. "Цуқир кызы кырк ат койроғона бәйләп, аттарҙы далаға кыуғандар. Уҙҙәре өлө лә тормош көтөп яталар" /"Родную дочь мачехи привязали к хвостам сорока коней и прогнали в степь. А жами и понье живут" [6, оп. 141, л. 67] /.

Р.М.Волков выявил на русском материале два вида наказания злых персонажей: сожжение на костре и разрывание лошадьми. Эти виды наказаний характерны и для башкирских сказок, но, кроме них,

отмечены еще три вида наказания: удушение, гибель от змеиных укусов, окаменение. Таким образом, в башкирских сказках встречаются как специфическое наказание /гибель от змеиных укусов/, так и наказание, присущее многим сказочным традициям /например, привязывание к хвостам лошадей/. Здесь подтверждается тезис о сходном и специфическом.

Наблюдения Р.М.Волкова о роли "вставных завязок" находят подтверждение. Такие заставки обнаружены в двух башкирских сказках: Так, в сказке "Кукушка" девушки по очереди идут по воду. В ведро каждый раз попадает золотая рыбка и просит отпустить ее. Выполнившая просьбу рыбки падчерица становится красивой, а родная дочь мачехи, ответившая рыбке отказом, — некрасивой [I, с. 217].

В сказке "Ханский сын Халмана" АТ 511 /"Чудесная королева"/ и АТ 403 В /"Подмененная жена"/ вставной завязкой можно назвать такой эпизод: мачеха стирает платок своей дочери и вешает сушить, а потом говорит падчерице: "Постирай и повесь сушить свой платок. Чей платок раньше высохнет, та пойдет в гости к хану" [5, л. 171].

Р.М.Волков акцентировал сюжетную роль "вспомогательных мотивов". В частности, он обратил внимание на то, что "в ряде сказок на различные темы сказочная интрига развязывается мотивом узнавания, ставшим типическим приемом сказочного стиля" [2, с. 32]. В такой же функции "вспомогательный мотив" предстает в башкирских текстах. В сказках "Карауз" АТ 511 /"Чудесная королева"/ и АТ 510 /"Золушка"/, "Ханский сын Халмана", "Кукушка", "Падчерица" АТ 511 /"Чудесная королева"/ [I, с. 224], "Сивая королева" АТ 511 и АТ 510 [I, с. 228], где обычное повествование контаминируется с сюжетом "Подмененная невеста", узнавание происходит по тому, как мать-птица прилетает кормить сына. Для сказки на сюжет "Золушки" характерен мотив узнавания по башмачку /"Карауз"/.

"Рядом с мотивом о вещем советнике может быть поставлен мотив, совпадающий с ним по существу и часто по схеме — вещи животные..." [2, с. 40]. Вещая собачка, предвещающая удачу или неудачу, присутствует в башкирских сказках "Клубок" АТ 485 А /"Мачеха и падчерица"/ [I, с. 234], "Падчерица Гульбика" /АТ 480 "Мачеха и падчерица"/. Типичная схема такова:

Улэргэ киткэн апакай,
Байып кайта, ләң-ләң!"
Байырга киткән апакай,

Сестричка, посланная на смерть,
Возвращается с богатством, гав-гав!
Сестричка, отправившаяся за богатством,

Улеп кайта, ләң-ләң!

Смерть с собой везет, гав-гав!

К служебным вспомогательным сюжетам относятся также мотивы чудесного вырастания /возрождения/ помощника-животного из крови или костей в сказках "Падчерица", "Падчерица и мачеха" АТ 511 /"Чудесная корова" / 6, оп. 183, л. 98]; "арские смотрины невесты - в сказках "Сивая корова", "Карауз", "Ханский сын Халмана".

У восточных славян Р.М.Волков выявил пять типов сюжетов о мачехе и падчерице: "Про кобылячью голову", "Морозко", "Золушка", "Буренушка", "Мачеха, преследующая падчерицу из зависти к ее красоте". В сравнительном указателе восточнославянских сказочных сюжетов [3] дополнительно названы еще три типа: АТ 313 Н /"Бегство от ведьмы"/, АТ 480 В /"Василиса Прекрасная"/, АТ 485 А /"Мачеха и падчерица"/. Из них первые два отсутствуют в репертуаре башкирских сказок, а третий /АТ 485 А/ представлен в двух вариантах. Это сказки "Клубок", "Падчерица Гульбика", где падчерица идет за клубочком /в восточнославянских сказках - за веретеном/.

Наиболее распространенных башкирских сюжетов о мачехе и падчерице четыре: 1/ падчерице помогает чудесная корова; 2/ мачеха посылает падчерицу за клубочком; 3/ мачеха отдает падчерицу на растерзание демоническим существам; 4/ падчерица помогает чудесный горшок. Пятую, смешанную группу, образуют сказки "Кукушка", "Падчерица и птицы" [7, 1986], "Умная девушка" [6, оп. 172, л. 73]. По содержанию они далеки от сказок перечисленных выше групп и выявлены в единичных вариантах.

Р.М.Волков отмечал, что одним из наиболее распространенных у восточных славян является сюжет "Про кобылячью голову". Ученый исследовал пять украинских, четыре русских и три белорусских варианта. В украинских текстах действуют кобылячья и человеческая головы, а в белорусских и русских - медведь. Для украинских сказок характерно, что к падчерице в полночь приходит кобылячья голова, испытывая и награждая девушку. В белорусской и русской версиях падчерица вынуждена играть в жмурки с медведем. Что касается башкирского материала, прямых соответствий сюжету "Про кобылячью голову" не отмечено. Тем не менее, сказку "Ишляе и Суябика" приближают к названному сюжету мотивы увоза девушки в лес, образ чашки, благополучный исход. В тексте названной башкирской сказки к падчерице не приходит демоническое существо, образ мачехиной дочери отсутствует.

Чудесная корова встречается в сказках "Падчерица", "Сивая корова", "Карауз", "Ханский сын Халмана". Помогавшая сироте корова -

это не просто волшебный помощник, данный образ отражает анимистические народные представления. Можно предполагать, что их корни уходят в тотемизм. Корова — как бы приданое сироте от покойной матери, оставленное ей как благословение, охраняющее от несчастий. Корова служит воплощением последующей материнской опеки.

Как уже отмечалось, функция коровы заключается в помощи падчерице. И в сказке "Падчерица", и в сказке "Ханский сын Халмана" мачеха приказывает падчерице перебрать гору пшеницы и шена, разделить их. В первой сказке корова велит падчерице сломать ей рога. Из одного рога вылетают воробьи, а из другого — жаворонки и перебирают шено и пшеницу. Во второй сказке корова съедает зерна и выплевывает крупу.

В сказке "Сивая корова" корова мычит, подним голову к небу, с неба падает одежда для падчерицы, и девушка в ней идет в сабантуй.

В сказке "Ханский сын Халмана" падчерица влезает в одно ухо коровы и выходит из другого — красиво одетая. Данный мотив распространен у многих народов /в том числе у восточных славян, румын и др./, но обычно речь идет о коне.

В сказке "Падчерица" достоин внимания мотив гибели коровы: по настоянию мачехи корову режут. Из ее костей вырастает яблоня. В других башкирских вариантах подобный мотив отсутствует. Представленные четыре варианта сюжета "Чудесная корова" контаминируются с сюжетом "Подмененная невеста", что отмечено и у восточнославянских сказочников, но встречается редко.

Ближние сюжетные параллели с восточнославянскими содержат сказки "Падчерица и кикимора", "Падчерица, выведенная замуж за царевича" /действие в основном происходит в бане; чтобы протянуть время до первых петухов, падчерица придумывает нечистой силе разные задания/.

Говоря о сюжетах "Морозко", "Золушка", следует отметить, что башкирские версии совпадают с ними только частично. Имеем в виду мотивы отправки в лес, смотрины невесты, узнавание по башмачку и т.п., которые содержатся в сказках "Ишляе и Суябика", "Карауз", "Сивая корова".

Не распространены у башкир варианты о мачехе, преследующей падчерицу из зависти к ее красоте /Р.М. Волков оценивает их как характерные для восточных славян/. Единичная башкирская запись такого содержания — "Живое зеркало" [6, оп. 110, л. 277] — скорее всего свидетельствует о русском влиянии.

В башкирских сказках о мачехе и падчерице часто встречается мотив превращения в птицу /в пяти из одиннадцати вариантов/. Л.Г. Баранов пишет, что "ни в балтском, ни в славянском фольклоре нет сказок о матери-птице" [1, с. 356]. Однако Р.М. Волков отметил такой мотив в русской сказке - вариант "Белая уточка" в сборнике А.Н. Афанасьева [2, с. 147]. Специфичность его башкирской интерпретации в том, что женщина превращается в птицу тотемного характера /лебедь, кукушка/.

Среди башкирских сказок о мачехе и падчерице выделяется вариант, где мачеха велит зарезать падчерицу, ибо нечем накормить гостя. Кости она приказывает отдать собаке, но старик кладет их в дупло дерева. И кости превращаются в птицу, которая роняет иглы в рот мачехи, глядящей наверх, на поющую птицу. С этой версией перекликается сказка "Умная девушка", где мачеха также велит зарезать падчерицу. Мотив своеобразного наказания мачехи отмечен в башкирской версии "Мачехи и падчерицы": ночью перышко растерзанной мачехой птицы вырастет в длину и, подобно аркану, душит мачеху [6, оп. 172, л. 73]. Сказка "Падчерица и птицы" представляет интерес мотивом оживления птицами падчерицы, убитой своими сводными сестрами [7, 1986].

Подобные варианты не отмечены в сказочном репертуаре восточных славян. Не обнаружены в восточнославянском материале параллели к сюжету "Чудесный горшок", очень популярному у башкир /горшок добывает падчерице дом, пищу, одежду, жениха/.

Таким образом, представляется возможность применения аналитических идей Р.М. Волкова в нескольких планах: сравнительной стилистики, сопоставления версий и сюжетных контаминаций сказок. Сказки о мачехе и падчерице рассмотрены в этих аспектах. Обнаруживаются межрегионально-сюжетные параллели устойчивого характера. Однако следует отметить и своеобразие версий, связанное с этностилевыми традициями. Результаты анализа башкирского материала с учетом исследования Р.М. Волкова [2] открывают возможные пути выявления региональных, межрегиональных общностей сюжетосложения и поэтического языка сказок, а также конкретно-национальную и региональную специфику сказочных традиций.

1. Башкирское народное творчество: Сказки / На башкир. яз. Уфа, 1976. 2. Волков Р.М. Сказка: Розыскания по сюжетосложению народной сказки. Том 1: Сказка великорусская, украинская и белорусская. Одесса, 1924. 3. Восточнославянская сказка: Сравнительный указатель сюжетов. Л., 1979. 4. Рошияну Н. Традиционные формулы сказки. М., 1974. 5. Архив Башкирского научного центра Уральского отделения АН России, ф. 3, оп. 47/21. 6. Архив Башкирского

университета. Кабинет башкирской формулы сказки. М., 1974. 7. Фольклорный фонд ИИЯЛ. Материалы экспедиций 1982, 1986 гг.

Статья надійшла до редколегії 20.II.90

S u m m a r y

Article analyses questions of the application of comparative methodic of the ukrainian slavist R.h.Velkov to the study of the style and build of plot of Bashkir tales about stepmother and stepdaughter.